

пекты язвенной болезни (клиника, диагностика, лечение) // Врач. 1997. № 6. С. 13–15; Ольхов О.Г. и др. Указ. пр.; Смагин В.Г. и др. Указ. пр.; Ташлыков В.А. Психологическая защита у больных неврозами и с психосоматическими расстройствами: Пособие для врачей. СПб., 1992.

²⁸ См.: Волков В.С., Смирнова Л.Е. Указ. пр.

²⁹ См.: Рожнов В.И. Указ. пр.

³⁰ См.: Губачев Ю.М. и др. Указ. пр.

³¹ См.: Симаненков В.И., Ананьев В.А. Концептуальные основы онтогенетической психосоматики // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии / Под ред. М.М. Кабанова. СПб., 1984. С. 180–189.

³² См.: Смагин В.Г. и др. Указ. пр.

³³ См.: Бороздина Л.В., Былкина-Михеева Н.Д. Указ. пр.

³⁴ Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. Психологическое исследование. М., 1987. С. 128.

³⁵ См.: Смагин В.Г. и др. Указ. пр.

³⁶ См.: Бородин Д.С., Мазур Е.С., Беляева Г.С. Жалобы как отражение психического статуса больных при рецидиве язвенной болезни двенадцатиперстной кишки // Терапевтический архив. 2000. Т. 72. № 2. С. 15–16; Ольхов О.Г. и др. Указ. пр.

³⁷ См.: Коростелева И.С., Ротенберг В.С. Психологические предпосылки и последствия отказа от поиска в норме и при психосоматическом заболевании // Психологический журнал. 1990. № 4. С. 84–90.

³⁸ См.: Губачев Ю.М. и др. Указ. пр.

Поступила в редакцию 13.02.2003.

Наталья Федоровна Гребень – аспирантка кафедры психологии. Научный руководитель – кандидат психологических наук Е.К. Агеенкова.

А.М. ПОЛЯКОВ

ПРОБЛЕМА ПРОДУКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Определяется понимание психического развития человека с позиций теории деятельности А.Н. Леонтьева. Психическое развитие индивида рассматривается как результат изменений его деятельности, обусловленных освоением предметов человеческой культуры, что создает проблему «вхождения» предметов человеческой культуры в субъективную реальность личности. Делается вывод о том, что освоение предметной человеческой культуры индивидом обнаруживает продуктивный, творческий характер его деятельности и психического развития.

The article is devoted to the comprehension of human psychic development in the view of the theory of activity by A.N. Leontiev. Personality psychic development is regarded as a result of changes of his activity determined by mastering human culture objects, which produces the problem of «entering» of human culture objects into the subjective reality of a person. It's concluded that mastering objective human culture by a person reveals the productive, creative character of his activity and psychic development.

Обсуждение проблемы продуктивности деятельности субъекта, на наш взгляд, требует предварительного анализа основных категорий, конституирующих деятельностное отношение человека к миру. Имеются в виду категории субъекта, предмета и осмысленности деятельности. Именно они служат отправным пунктом, аксиомами, на которых строится психология деятельности^{1, 2, 3}.

Предметность деятельности традиционно рассматривается как объективно существующая характеристика реальности, предстоящей субъекту. Сам предмет, его свойства задают специфику и содержание деятельности человека^{4, 5, 6}. При этом точное и исчерпывающее определение категории предмета не дается в теории деятельности. А.Н. Леонтьев образно обозначает его как «узел свойств». Как отмечает Б.Д. Эльконин, опускается проблема возникновения и оформления предметной реальности для субъекта. Очевидно, что предмет становится предметом, только будучи включенным в деятельностное отношение субъекта с миром, что, в свою очередь, предполагает его представленность для индивида в психическом образе. В противном случае отдельные объективные свойства останутся лишь случай-

ным набором свойств и никак не будут соединены («связаны») в единую целостность предмета. Именно благодаря такой способности человека «видеть» предмет как целое у него появляется возможность преобразовывать действительность. Изменение отдельных свойств – твердости, яркости, температуры и прочих – само по себе бессмысленно. Их можно изменять только как свойства чего-то, свойства какого-то предмета: температуру воздуха, воды, тела, но не температуру как таковую.

Из этого вытекает важное следствие: человек устанавливает связи между отдельными свойствами объективной действительности, т. е. *формирует* «узел свойств» в процессе формирования психического образа предмета или предметной ситуации (как мы уже отмечали, предмет без психического образа – это фикция). Такое формирование (или оформление) свойств в некоторую целостность предмета осуществляется в деятельности субъекта через его активное отношение к действительности.

Предмет (предметная ситуация) может быть представлен по-разному для субъекта в зависимости от задач деятельности, мотивов личности, ее отношения к предмету и пр. Иными словами, предмет невозможно «оторвать» даже в его объективных свойствах от деятельности субъекта, «сам по себе» он перестает быть предметом, «узел», объединяющий, связывающий различные свойства, исчезает. Выделение определенных свойств реальности, их связывание в некоторую предметную целостность и акцентировка отдельных характеристик предмета определяются его *значением* для деятельности субъекта^{8,9}.

Приведем пример. Представим себе деревянный кубик. В зависимости от того, какие задачи ставит перед собой и решает субъект, будет определяться и само *содержание* этого предмета, т. е. собственно его суть. Если перед человеком стоит задача развести огонь в печи, данный предмет будет выступать для него в качестве куска дерева и в первую очередь им будут выделяться такие его свойства, как горючесть, сухость, размер. Если ребенок использует этот предмет для сюжетной игры, то физические и химические свойства последнего не будут иметь особого значения, а важной будет, например, возможность «возить» его по полу вместо машины. Учитель математики может применять кубик как иллюстративный материал для моделирования решения какой-либо геометрической задачи. В этом случае будут акцентированы геометрические свойства предмета (соотношение углов, сторон, плоскостей). В зависимости от того, *что* делает субъект, вытекает характер и содержание объективных отношений предмета с действительностью, его объективных свойств и, следовательно, *реально* (а не только в психическом образе) определяется сам предмет.

Если мы обратимся к теоретическим и экспериментальным работам, выполненным в рамках деятельностного подхода, мы обнаружим, что априорное существование предметной реальности (именно как предметной) становится не таким уж очевидным. Так, например, проводя анализ психического развития в филогенезе, А.Н. Леонтьев указывает на тот факт, что предметное отражение действительности становится возможным лишь на определенном этапе эволюционного развития, до которого предметная обусловленность психики и деятельности существует лишь для самого исследователя, но никак не для животных. На уровне человеческого развития субъект начинает взаимодействовать уже с предметной реальностью, обладающей для него определенным социальным значением, выработанным в процессе культурно-исторического развития, т. е. со *значащей* предметностью, которая не является аксиоматичной для самого развивающегося субъекта. Она еще *должна стать* реальностью для человека. Иными словами, она является «не данностью, но заданностью». Однако, если дело обстоит именно так, то возникает вопрос, как предмет может определять деятельность и психику индивида, если он для этого индивида не существ-

вует. Появляется проблема оформления предметности, проблема определения его механизмов, опосредствующих его процессов.

В силу того что нас интересует развитие человека в онтогенезе, мы далее сосредоточимся именно на нем. В экспериментальных исследованиях по детской психологии^{10, 11} обнаруживается, по сути, тот же парадокс. При выдвижении постулата о предметной обусловленности деятельности ребенка этот предмет вносится извне самим экспериментатором, т. е. «подкапывается» ребенку¹². Здесь мы возвращаемся к уже обозначенной выше проблеме и исследовательской задаче изучения процессов формирования предметности деятельности человека.

В отечественной детской психологии в широко известных исследованиях вопрос о продуктивности деятельности, косвенно или прямо сформулированный, решался через выявление роли посредничества, т. е. участия другого человека (взрослого) в оформлении предметного содержания и смысла деятельности ребенка^{13, 14, 15, 16}. При этом, как справедливо замечает Б.Д. Эльконин, действия взрослого (экспериментатора, учителя, родителя), как правило, оставались «за кадром». Добавим к этому, что практически и деятельность самого ребенка изучалась как определяемая уже представленным ему (а на самом деле – «подставленным») предметом. Например, когда экспериментатор в качестве предмета деятельности для ребенка предлагает игровую ситуацию, ее описание, то возникает вопрос, в каком виде эта ситуация предстает перед самим ребенком, а следовательно, что именно является предметом для ребенка (а не экспериментатора) на различных этапах его развития. В данном случае, с одной стороны, затрагивается аспект осмысления ребенком культурных значений предметов, образов и форм поведения, действий взрослого, с другой стороны, возникает задача построения субъектом собственного отношения к предмету. Таким образом, процесс формирования предметности, участие в нем самого ребенка оказались практически не изученными.

Мы затронули представление об интериоризации как процессе усвоения идеальных образцов культуры. Однако в эмпирические исследования и теоретический анализ процесса интериоризации почему-то не включалась проблема *порождения* субъектом предметов культуры, обладающих определенными значениями¹⁷. Соответственно возникает иллюзия «копирования» ребенком (и взрослым) в ходе деятельности и освоения в неизменном виде предметов человеческой культуры в процессе развития личности. Трансформация, развитие, искажение предметности практически не выявлены и не объяснены. Единственное, чем они могут объясняться, так это «хорошим» или «плохим» копированием идеальных образцов (в данном случае – образцов предметов).

В изучаемой проблеме следует указать еще на один аспект. Как отмечалось выше, предметность человеческой деятельности – это всегда предметность, имеющая социальное, человеческое значение, т. е. это предмет культуры. При этом именно значение определяет субъективный образ предмета, именно оно устанавливает, задает способ «связывания» отдельных свойств в некоторую целостность, с которой можно действовать и которую можно изменять¹⁸. Культурное значение предмета не является просто его атрибутом, дополнительным свойством, но характеризует его природу, его суть как предмета *человеческой* деятельности.

На основании представленной характеристики предметности человеческой деятельности можно полагать, что она для реального индивида, а не как таковая, не может существовать «вне» или «до» его проявлений себя как *человеческого субъекта*. Иными словами, признание реальности предметности одновременно требует и признания реальности культурного субъекта.

Для того чтобы в итоге мы не пришли к идеям субъективного идеализма (против чего всегда явно протестовали представители деятельностного

подхода), сразу внесем уточнения в определение категории субъекта. Из сказанного выше может возникнуть неверное представление о том, что субъект является чем-то изначально существующим, предшествующим предметной реальности. Однако это не так. Когда мы говорим о субъекте как источнике, инициаторе активности (деятельности), мы имеем в виду определенную направленность активности личности на что-то. Даже если речь идет о свободном субъекте, он не пассивно существует в вакууме, а действует с чем-то, преобразует что-то, выбирает из чего-то, приобретает что-то, отказывается от чего-то. Иными словами, субъект не мыслим *без предмета* своей активности, так же как предметность не мыслима без субъекта.

Мы уже говорили о том, что человек – это всегда культурный субъект, ориентированный на освоение и использование идеальных образцов. Сделаем еще одну оговорку. Субъект не предопределен культурными идеальными образцами, они не являются (по аналогии с известным высказыванием А.Н. Леонтьева) «демиургом» субъектности. Сами культурные образцы, которые осваивает человек, лишь определяют *формы* проявления субъектности, но не порождают ее. Данное утверждение следует хотя бы из того, что человек эти идеальные образцы может сделать предметом своего активного отношения, преобразования, осмысления. Следуя логике М.М. Бахтина, можно возразить, что в действительности человек относится к чему-либо с какой-то (точнее, чьей-то) позиции, т. е. в данном контексте к одним образцам, ценностям, смыслам относится с позиции других образцов, смыслов, ценностей¹⁹. Между тем субъект, во-первых, обладает потенциальной свободой отнестись к *любому* идеальному содержанию культуры и, во-вторых, способен соотносить различные идеальные образцы друг с другом, выстраивать их иерархии. Таким образом, несмотря на то, что в действительности человек всегда придерживается каких-либо образцов, сама возможность отношения к ним уже позволяет рассматривать субъекта как нечто, с ними не совпадающее и обладающее потенциальной свободой. Иначе говоря, человеческий субъект – это не социальная машина, работа которой полностью выводима из особенностей культуры.

Рассматривая природу субъекта, отметим, что он не совпадает не только с культурой (идеальными формами), но и с телесностью человека, поскольку последняя также может выступать в качестве предмета активного отношения субъекта (например, забота о внешнем виде, физической форме и пр.). При этом важно, что преобразование окружающего материального и предметного мира возможно только через собственное тело субъекта. В этом смысле можно сказать, что субъект, хотя и не совпадает со своим физическим телом (организмом), тем не менее проявляет себя через него.

В силу этого возникает вопрос об *онтологической сущности* субъекта. Если это не телесность, если это не культурные формы (социальные отношения) или психический образ, их представляющий, то что? Из вышеизложенного можно сделать единственный вывод: понятие субъекта является результатом абстракции и идеализации, раскрывающей бесформенную онтологическую сущность субъекта, очевидно не совпадающую с материальной и оформленной реальностью. В последние годы данная реальность все чаще обозначается такими словами, как «субъектность», «преобразование», «потенциальность», «возможность», «заданность»^{20, 21}. Интересно, что все чаще встречаются апелляции к религиозной философской традиции для объяснения феноменов субъектности. При этом, если вспомнить идеи Л.С. Выготского об интеграции идеалистических концепций субъектности и вульгарно материалистических учений о поведении и рефлексх²², намерение интегрировать идеальное и материальное присутствовало уже в самом начале становления отечественной психологии.

Данная статья не посвящена, однако, онтологической проблематике. Для нас важно лишь то, что категории субъекта, предметности и идеальных

форм (значений) не могут рассматриваться изолированно друг от друга и ни одна из них сама по себе не может служить отправным пунктом для анализа психического развития человека. Если за исходный пункт мы берем предметность, то утрачиваем субъекта, определяющего ее. Если за точку отсчета мы берем культуру, идеальные формы, то превращаем субъекта в «потребителя культуры», репродуктивно воспроизводящего ее формы, утрачиваем субъекта культуры, культуропорождающего субъекта. Если мы начинаем с утверждения субъекта, то приходим к субъективному идеализму.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод: в психологическом анализе онтогенетического развития человека предметность деятельности нельзя рассматривать как объективную данность, существование которой предшествует проявлению культурного субъекта, ее необходимо рассматривать как *формирующуюся в единстве с формированием человеческого субъекта*. В соответствии с этим, если мы исследуем процессы порождения человеком (ребенком) культурной предметности, то мы неизбежно приходим к исследованию развития его субъектности.

Далее следует указать на закономерное следствие сделанных выводов: изучение психического развития субъекта деятельности (и деятельности субъекта) требует изучения форм и способов *построения им целостной предметности в соответствии с идеальными формами культуры*, а также процесса развития таких форм и способов в онтогенезе. В этом и заключается, на наш взгляд, *проблема продуктивности*, которая рассматривается в трудах Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова, Б.Д. Эльконина. Между тем реально, как уже отмечалось выше, она как бы оставалась за кадром. Предмет деятельности рассматривался как данность, но не как заданность, не как задача на построение целостности предмета. Развитие человека понималось как процесс освоения фиксированной и неизменной предметной культуры. Сегодня, в эпоху смешения различных культур, смен культуральных установок, неоднозначности социальных норм, требований и ценностей, такая фиксированность и неизменность становятся далеко не очевидными. В особенности эта проблема акцентируется, если отметить, что в большинстве случаев субъект действует не с отдельным предметом, а действует в предметных условиях, предметной ситуации. Как правило, предметная ситуация не является чем-то константным, человек регулярно сталкивается с новыми для него ситуациями, в которых он вынужден ориентироваться и действовать. В силу этого проблема осмысленного построения субъектом не только целостности предмета, но и целостности ситуации приобретает особую практическую актуальность.

В обозначенной теме продуктивности человеческой деятельности мы выделяем несколько аспектов, на которые могут быть нацелены психологические исследования:

- 1) процессы построения субъектом целостного образа предмета (предметной ситуации) и регуляции собственной деятельности на его основе;
- 2) процессы освоения (осмысления), порождения и соотнесения (связывания) друг с другом идеальных культурных форм, выступающих для субъекта как образец его деятельности и ее результатов;
- 3) процессы построения замысла деятельности, отражающего результат и способы возможного преобразования (возможную целостность) предмета (предметной ситуации);
- 4) мотивация деятельности по построению и преобразованию целостности предмета (предметной ситуации);
- 5) структура деятельности по построению и преобразованию целостности предмета (предметной ситуации);
- 6) внешние (социальные) и внутренние (субъективные) условия деятельности по построению и преобразованию целостности предмета (предметной ситуации);

7) динамика развития перечисленных выше процессов и характеристик деятельности в онтогенезе.

Проведение психологических исследований по указанным направлениям позволит иначе посмотреть на проблему психического развития человека, поможет понять его как процесс становления индивида культурным субъектом и субъектом культуры, т. е. культуротворческим существом.

¹ См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1–2.

² См.: Слободчиков В.И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01, 19.00.07. М., 1994.

³ См.: Эльконин Б.Д. Психология развития: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001.

⁴ См.: Давыдов В.В. Понятие деятельности как основание исследований научной школы Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 20–29.

⁵ См.: Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

⁶ См.: Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах / Под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. М., 1997.

⁷ См.: Леонтьев А.Н. Указ. пр.

⁸ См.: Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.

⁹ См.: Эльконин Б.Д. Указ. пр.

¹⁰ См.: Запорожец А.В. Указ. пр.

¹¹ См.: Эльконин Д.Б. Указ. пр.

¹² См.: Эльконин Б.Д. Указ. пр.

¹³ См.: Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии / Под ред. Д.Б. Эльконина // Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 243–432.

¹⁴ См.: Гальперин П.Я. Четыре лекции по психологии: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000.

¹⁵ См.: Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М., 1986.

¹⁶ См.: Запорожец А.В. Указ. пр.

¹⁷ См.: Эльконин Б.Д. Указ. пр.

¹⁸ См.: Эльконин Б.Д. Указ. пр.

¹⁹ См.: Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

²⁰ См.: Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии: Учеб. М., 1994.

²¹ См.: Слободчиков В.И. Указ. пр.

²² См.: Выготский Л.С. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.

Поступила в редакцию 11.03.2003.

Алексей Михайлович Поляков – кандидат психологических наук.

С.С. САГАЙДАК

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ САМООЦЕНКИ И УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ

Предлагается методика неявного (со скрытыми от испытуемого целями) исследования основных компонентов мотивации (самооценки и уровня личностных притязаний) по оценке степени выраженности шести волевых качеств. Выявляются адекватность рассматриваемых характеристик и потенциальные конфликтные зоны при взаимодействии учащегося и учителя.

The implicit research technique of basic motivation components (self-estimation and personal claim level) on the basis of six strong-willed characteristics is offered. The results obtained give an opportunity to estimate adequacy of the considered characteristics and to reveal potential conflict zones of pupil – teacher interactions.

Мотивация учения является ведущим компонентом психологического обеспечения результативной деятельности. Основными предпосылками ее устойчивости являются самооценка и уровень притязаний. Самооценка – это ядро личности, важнейший регулятор поведения. От ее уровня зависят взаимодействия человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам, т. е. в конечном итоге – эффективность деятельности.

